

Таково было якутское общество, когда произошло чрезвычайно важное историческое событие в жизни якутов — присоединение их к Российскому государству.

6. ТУНГУСЫ

Г. М. Василевский

Едва переправившись через Енисей, русские встретились с одним из наиболее широко распространенных племен горной тайги и лесотундры — с тунгусами. Им принадлежала особая и важная роль в истории Сибири и соседних с ней стран Азии. Они создали свою собственную оригинальную культуру.

Тунгусы, как называли в XVII в. предков современных эвенков, эвенов и негидальцев, являются основным ядром всех народов, объединяемых в тунгусо-маньчжурскую лингвистическую группу.

Название «тунгус» известно русским с XVI в., а самоназвание «орочен» в Приамурье⁷⁵ («орочел» — на Охотском побережье и «эвен» — в Приангарье⁷⁶) известно с XVII в. К моменту первоначального соприкосновения с русскими тунгусы освоили почти всю сибирскую горную тайгу от Енисея до Охотского моря, часть лесотундры и тундры к западу от Лены.

О глубокой древности расселения тунгусов по енисейской тайге свидетельствует тунгусское происхождение названия Енисей, которое существовало еще до XVII в.⁷⁷ Позаимствовав это название, самоеды (ненцы) только лишь добавили к нему обозначение «ям» — «большая река» (Ензя-ям). Кроме того, три четверти названий рек в бассейнах Подкаменной и Нижней Тунгусок, которые по-эвенкийски называются Катангами, также имеют тунгусское происхождение. Р. Сым в XVII в. записана эвенкийским названием Чиромбу. Название Турухан также эвенкийское. Группы тунгусоязычных племен обитали в Нижнем и Среднем Приамурье, где они смешивались с местными аборигенами. Замечательно, что еще в XVII—XVIII вв. у ряда тунгусоязычных групп сохранились пережитки древнего доолениводческого уклада их предков, пеших охотников и рыболовов тайги, не имевших оленей.

Охота производилась преимущественно в одиночку. Группой в два-три человека охотились на крупного зверя, когда надо было гнать его на стрелка, а также на переходах через речки мелких парнокопытных, когда те переходили на новые места. Основная охота была на мясного зверя, пушного били попутно. Первая охота кормила, поэтому и отношение к ней было особое. Рассказы об удачливых охотниках, которые хватили на бегу зверя за ногу или, заколов медведя, перебрасывали его через голову и кололи другого, распространялись далеко по тайге. Про такого охотника сказания говорят, что он «четвероногому зверю не даст мимо пробежать, крылатой птице не даст над ним пролететь». Мясной зверь нужен был для существования, а пушной — для обмена и получения отсутствовавших у них предметов, без которых можно было и обойтись, а также для уплаты дани бурятам (Приангарье), монголам (Забайкалье) и якутам (Лена). Мясо, как и излишки рыбы, вялили на солнце и сушили над огнем, чтобы потом превратить их в муку.

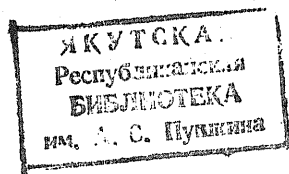
На охоте тунгусы пользовались луками, рогатиной и устанавливали самострелы и петли. За зверем гонялись или били его на водопойных тропах из засады на деревьях и в лодках. Для выслеживания зверя

⁷⁵ Du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise. Paris, 1735, t. IV, pp. 64—68.

⁷⁶ Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Л., 1936, стр. 95.

⁷⁷ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 184; т. II, 1941, стр. 39.

Р. 840840

маскировались, накидывая на себя шкуру с головы оленя, а иногда и целую. Всякого рода деревянные ловушки, связанные с полусидячим образом жизни, были для них не характерны (пасти заимствовали группы озерных эвенков, которые вели сидячий образ жизни).

Бродячие охотники добывали рыбу с помощью лука и остроги. Зимой старики кололи рыбу через лунки, а летом рыбаки занимались лужением с лодки. На небольших речках устраивали запоры и устанавливали в них корыта и «морды». В рыбалке участвовало много мужчин. Пешие тунгусы, попавшие в озерные районы (Забайкалье, Байкал, озера к западу от верховий Вилюя), на большие реки (Енисей, Ангара, Лена, Олекма, Амур) и на реки охотского побережья, богатые рыбой, оседали и начинали заниматься рыболовством, не оставляя охоту. Но эти тунгусы составляли лишь небольшую часть, и их образ жизни не мог быть характерным для всех. В горной же тайге рыболовство имело такое же значение, как и собирательство: рыбой лакомились, как и ягодами, в определенные сезоны. Поэтому ни в сказаниях, ни в преданиях, ни в народном календаре рыболовство и оленеводство не получили своего отражения.

Домашние занятия всех тунгусов делились на мужские и женские. К мужским относились изготовление изделий из дерева, кости и металла, а также изготовление лодки-берестянки (бересту шили женщины), лодки-долбенки и нарт. Женщины выделывали шкуры, шили из них одежду, обувь, покрывки для чума, предметы домашнего обихода. Они обрабатывали бересту и шили из нее посуду, а также «тйски» — берестяные полотнища для чумов и для лодок-берестянок. Мужчины умели украшать узорами деревянные, костяные и металлические вещи, женщины — ровдугу, бересту и меха. На женщинах лежали обязанности ухода за детьми и приготовление пищи.

Охотники жили в конусообразных жилищах, остов которых был покрыт корой лиственницы и полотнищами, сшитыми из бересты ровдуги (чум-дю). По сказаниям, у восточных эвенков более древним жилищем, характерным для быта жены, был чум-чорама, в котором дымовое отверстие зимой служило и входом. Как говорят более поздние предания, традиция выхода через дымовое отверстие сохранилась только во время военных столкновений, когда герой выскакивает через него из чума. В местах, где тунгусы жили поблизости от скотоводов и коневодов, с которыми они были чаще во враждебных отношениях, рядом с конусообразным жилищем ставили свайное жилище. В нем помещались члены семьи во время отсутствия охотника. Они втягивали наверх бревно-лесенку, защищая себя от нападения врагов, которые часто выкрадывали жен и детей охотников.

Бродячий образ жизни и охота оказали влияние на характер и многие стороны жизни тунгусов. Они обусловили любовь к новым местам и легкость передвижения и расселения, развили наблюдательность, умение ориентироваться в чужой местности, выносливость, смелость и силу, без которых нельзя было передвигаться в горной местности. С охотой связана привычка ничего не накапливать, поэтому у тунгусов не было войн с захватнической целью. В сказаниях подчеркивается, что жене не нужно брать одежды, когда она направляется в места мужа, — он легко добудет зверя для одежды. После победы над врагом победители не брали никакого имущества. Это же отмечается арабскими источниками X (Гардизи) и XII вв. (Марвази) у охотников с правых притоков Ангары, где проходила дорога из земли киргизской в курьканскую.⁷⁸ Бродячий образ

⁷⁸ Сб. «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору», Л., 1936, стр. 41—44; А. П. Окладников. Восточная Сибирь в IX—XII веках. «Очерки истории СССР», М.—Л., 1958, стр. 461—479; Marvazi. China on the Turks and India. Translation von Minorsky. London, 1942; В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927.

жизни отразился и на костюме, который должен был быть легким, не стесняющим движений и быстро просыхающим. Поэтому он был составным (кафтан с нагрудником, покрывающим грудь, натазники с ногами-

Пешие тунгусы на Ангаре.

цами и унты). Любую часть его можно было отдельно просушить у костра. Пищей было то, что добывал охотник (мясо птиц и диких зверей). Для общественной организации были характерны парные объединения частей родов и больших семей, дожившие у алданских и среднеамурских эвенков до XX в.⁷⁹

⁷⁹ S. Shirokogoroff. Social organization of the northern Tungus. Shanghai, 1929.

В парных объединениях семей господствовали родовые традиции и родовые институты. Первым законом была экзогамия, поэтому, согласно преданиям, при встрече двух человек сначала спрашивали о месте рождения, о имени, о происхождении и имени отца. Брак был обменным, также женились на женщинах, выданных в качестве виры после победы над противниками. Были случаи, когда женились на женщинах противника, взятых после столкновения. У всех охотников восточной тайги существовал крепкий запрет на браки их женщин с западными врагами, конными металлургами. «Когда это было, чтобы житель тайги выдал женщину за врага Чулуру Сэлэргуна», — говорится в сказаниях.⁸⁰ Расселение по тайге отдельными семьями заставляло молодых людей пускаться в далекие путешествия, чтобы найти себе «сотрапезника», «друга» из чужого рода или другого племени. Например, по сказаниям, охотники из Верхнего Приамурья находили себе жен на востоке у разных племен: у сивиров и киданей, а также у других аборигенов, живших у моря.

Вторым законом была взаимопомощь как между членами одного рода, так и между семьями, находящимися в отношениях свойства. Человек, взявший себе жену, брал на себя обязанность защищать брата и отца жены, если на них нападет враг.

В каждом парном объединении, по преданиям, выделялся самый сильный, смелый охотник — гатакта, который мог своей добычей прокормить всю группу. Если он удовлетворял всем требованиям (был умен, находчив, имел жизненный опыт), то во время столкновения он становился военным вождем (сонингом, иничоном, куривоном).

Кроме того, в каждом объединении был один или два шамана. Назначение шамана — лечить больных, узнавать, кто «убил» человека, когда тот умер естественной смертью (естественная смерть представлялась всегда как насильственная: умершего человека якобы убил член другого рода). Шаман указывал на убийцу, и отряд мужчин шел мстить: требовалось убить только одного человека, члена рода, указанного шаманом. «Убивать» людей мог и шаман, он «съедал» души врагов. И такой случай тоже приводил к военному столкновению.

В сказаниях говорится также о религиозных представлениях тунгусов. Упоминаются духи — хозяева мест и дома. Есть представление о слове, как о чем-то живом, имеющем духа — мухун (мухулкэн турэн), который может сделать все, что пожелает произнесший слово.

Кузнец, он же изготовитель луков, жил один на равных расстояниях от семей рода, «посредине» объединения. Он изготовлял луки, стрелы, мечи, броню и металлические украшения по заказу. Во время его работы заказчик добывал ему питание. Подростки и старики выполняли роль сторожей, которые, сидя на деревьях или на скале, следили за подходом врага, когда могли ожидать, что он придет.

Войны между такими объединениями были частыми, поэтому предания о столкновениях сохранились почти у всех групп эвенков в большом количестве. Причин для этого было немало. Наиболее частыми причинами были невыдача просватанной девицы, отказ в сватовстве или убийство свата; совсем редкими причинами были ссора, оскорбление и порча шаманского костюма.

О сражениях ради захвата имущества упоминают только самые поздние предания, которые возникли в XIX в.

Наиболее древней формой борьбы был поединок двух сонингов. После этого шел бой между отрядами лучников и мечников. За поединком двух

⁸⁰ Исторический фольклор эвенков. Л., 1966; Сб. «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору», Л., 1936.

сонингов, по преданиям сымских эвенков, наблюдали все воины. Иногда они помогали своему сонингу; например, в одном из преданий говорится: «Поставили мечи сонингов Нары и Шинтавуля. Меч Нары воткнули в землю крепче. Сонинги с определенного расстояния побежали к мечам. Пока Нара выдергивал из земли меч, Шинтавуль выхватил меч, рубанул его по руке».

Частые стычки привели к выработке целого ряда правил: женщин, детей и стариков не убивали, бой могли вести только мужчины, случайно попавшие под стрелу старики и женщины вызывали досаду.

Победители должны были взять на свое попечение женщин и детей, если все мужчины противников перебиты.

Уходя, они оставляли на своем пути метки на деревьях, чтобы мститель в будущем мог найти их.

Сонинги, состарившись, старались найти способы, чтобы быть убитыми своими противниками. Некоторые из них даже передавали врагам свои стрелы, а другие предлагали съесть сердце, чтобы сила и ловкость перешла на них. «Меня убейте, сердце мое съешьте. Съев мое сердце, станете сильными, подобно мне, и никто вас не убьет», — говорит сонинг Шинтавуль.

Перед тем как начать поединок или столкновение, необходимо было предупредить противника, затем раздражить его обидными словами или жестами, чтобы вызвать злобу. Перед началом сражения отрядов пускали специальную стрелу, объявляющую войну, и выкрикивали слова, значение которых давно уже забыто («Химилгэн! Хавун!»). Некоторые из восточных тунгусов, по преданиям, перед поединком менялись стрелами и договаривались о расстоянии для стрельбы друг в друга. Увертывались от пущенной стрелы по-разному. Западные тунгусы отскакивали от пущенной стрелы, восточные — ловили ее серединой лука. Было характерным такое заявление воинов перед поединком: «Если я должен тебя убить, то убью без сожаления. Если я должен быть убитым, то умру, не прося пощады». Эта традиция относилась и к бою между отрядами, когда они перед боем предлагали биться до тех пор, пока всех не перебьют. По преданиям западных тунгусов, запрещалось убивать раненого противника, не закрыв его открытые глаза. На лежащего надо было что-либо набросить и тогда уже убивать.

При столкновении отрядов назначалось место боя на реке. Один отряд помещался на высоком берегу, другой — на низком. Отряды перед боем разводили костры. В преданиях, отразивших более поздние столкновения, говорится, что отряды перед боем устраивали защиту в виде изгороди из нарт, покрытых меховыми коврами, а для удобства боя стволы всех деревьев на площадке, где шел бой, очищались от коры (это наблюдалось у потомков ангарских тунгусов). Площадку окапывали валом (баргузинские и баунтовские тунгусы) или окружали изгородью (амгунско-охотские). В середине площади, защищенной оградой, оставались семьи.

И, наконец, согласно преданиям, когда нападение совершалось на стойбище одного хозяйства, то, завидев приближающегося врага, мужчина с берестой в руке прыгал в реку и отпускал там бересту, а сам под водой выплывал в противоположную сторону и выжидал, сидя в кустах. Зимой мужчина с семьей откочевывал, прорубая на своем пути лед и маскируя проруби. Противник, преследуя беглеца, попадал в прорубь. Иногда, уходя от противника, вешали на пень кафтан и шапку, и сами сворачивали в другую сторону. Женщины, увиденные победителями, зная, что оставшиеся мужчины придут им на выручку, ночью перерезали тетивы луков у врагов, дырявили их лодки, «убегали под снегом», прятались в дуплах, в пустотах каменных осыпей, на сучьях деревьев. Они вешали на деревьях сухую обувь и еду для мужчин, которые придут им на выручку. Многие

из приведенного здесь перекликается со случаями, записанными в русских письменных источниках XVII в.

Предания рассказывают и о приамурских соседях пеших тунгусов — сивирах и киданях, по языку близких тунгусам. Они жили в деревянных айгурских домах с несколькими покоями, но рядом с домом имели чорамовый чум (с выходом через дымовое отверстие) и свайное жилище для женщин. Они тоже были охотниками горной тайги, но имели коней, а некоторые из них содержали для мяса и оленей, которые только летом жили недалеко от стойбищ, спасаясь от гнуса у дымокуров. Оленей доили. Некоторые охотники сивиря имели и верховых оленей, которых эвенки обычно убивали, принимая за диких.

Между эвенками, сивирами и киданями существовали контакты, тогда как браки с западными конными племенами, употреблявшими металл, запрещались для всех охотников. Охотник, женившись на девице киданей или сивиров, проводил в ее семье года два, затем отправлялся с женой в свои места. Жена всегда вела к мужу караван оленей. Таким образом, пеший охотник становился оленным. У себя он часто ставил два чума: для себя — конусообразный и для жены — чорамовый (по конструкции яранговый). Предания, сохранившиеся у потомков древних ангарско-прибайкальских тунгусов, рассказывают о нападениях на них племени корендо (возможно, курыкан), жившего около Байкала и уведившего в плен эвенков. Делая пленниц женами, они оставляли их жить на пуги от корендо к тунгусам. След тунгусского названия этого народа остался в названии одного из верхних притоков ангарской Ии — Корендо.

Следующей группой, с которой имели взаимоотношения ангарские тунгусы, были енисейцы: кеты, асаны, котты (в преданиях дяндри, няндри, нгамэндри; дяндри по-кетски «люди»). Жили они рядом с тунгусами. Об этом свидетельствует и топонимика. А на севере находились низкорослые чури, которые снимали шкуру с оленя чулком, были охотниками и рыболовами, держали много собак и ели собачье мясо. От связей с ними у потомков ангарских тунгусов осталось в языке много слов и грамматических элементов. От них же остались следы культа ворона, некоторые детали предметов в материальной культуре, ряд общих сюжетов в фольклоре и общая топонимика.

Бродячий образ жизни охотников-тунгусов еще на пешей стадии привел их к расселению вниз по Ангаре—Енисею и по Лене из Приангарья—Прибайкалья. Расселение это происходило до появления суффикса «ки» в самоназвании «эвенки» (термин «эвен» у потомков ангарских тунгусов сохранился еще в XIX в., а у сымских был в памяти в 1930 г.). Уходя на север, они унесли с собой наименование «ламуды» или «ламкан ~ намкан», буквально «прибайкалец», позже — «приморец». А название самого Байкала — Ламу было перенесено на Ледовитый океан и Охотское море. В низовья Лены и на Охотское побережье было унесено наименование родов: «Шалган» — «пеший», «Шаман» (в якутской огласовке «Самай»), «Баякшин» (на Индигирке и Охоте в XVII в.).⁸¹

Исключительное значение в жизни тунгусов имело возникновение оленеводства, вызвавшее распространение оленеводов по тайге.

Верхнеамурские тунгусы, осваивавшие местность Оро (выше Албазина), издавна назывались «орочены» (т. е. жители Оро). Согласно легендам, часть их приручила дикого оленя и научила его стоять у костров, спасаясь от таежного гнуса. Таким образом, как рассказывают сказания,

⁸¹ Г. М. Василевич. 1) Очерки диалектов эвенкийского языка. Л., 1948; 2) Этнографические наблюдения и лингвистические записи А. Л. Чекановского. Сб. «А. Л. Чекановский», Иркутск, 1962; 3) Этноним саман → самай у народов Сибири. «Советская этнография», № 3, 1965.

олени стали полудомашними. Летом они жили около человека, а на зиму уходили в глубь лесов. Эти сказания распространены в среде эвенков и эвенов из рода Эджен, на восток от линии Алдан—Учур—Селемджа. Однако данные языка показывают, что верховая езда у тунгусов возникла под влиянием скотоводческих монгольских племен. Так, «седло» в эвенкийском языке — эмэгин, в эвенском — эмгун, в монгольском — эмэгэл, эмэл. «Обшивка седла», «седло, зашитое в мешки», «мешки» в эвенкийском языке — комдан, хомдан, ком, в монгольском языке хом — «потник под седлом верблюда». «Коврик под необшитое седло» в эвенкийском языке — тэнинэ, в монгольском языке тэн — «потник». «Метка» у эвенков — хим ~ им, в монгольском языке — им. «Холостить» в обоих языках — акта.

Оленеводы могли кочевать только в горной части Приамурья, так как географические условия долины Амура непригодны для оленеводства. Олени, выгнанные моховые пастбища, переходили дальше по отрогам Хингана, Яблонового и Станового хребтов на новые пастбища, за ними должны были идти и их хозяева. Таким образом, расположение горных цепей определило направление расселения оленных групп тунгусов — орочен. Оленеводы вступали во взаимные браки с пешими охотниками — эвенками и эвенами (ламкан ~ намканами) и передавали им оленей. Это также отражено в сказаниях эвенов. Одни из орочен вышли на Сахалин и, сохранив оленеводство, вошли в состав ороков. Другие, выйдя на Амур через Амгунь и потеряв оленей, перешли на Анюй и дальше на Тумнин. Здесь они вошли в состав орочен.⁸²

Распространяясь по отрогам Верхоянского хребта, оленеводы дошли до Лены и в тундре перешли ее. Якуты в XIII в. столкнулись на Лене уже с оленными тунгусами. Если оленные группы расселились по бассейну Средней Лены задолго до прихода русских в Сибирь, то на Оленек и в бассейны всех трех Тунгусок оленеводы проникли незадолго до прихода русских. Здесь, как и на севере, оленные тунгусы были сначала врагами (булэшэл) коренных.

Распространение оленных тунгусов на запад от Оленека и Вилюя отразилось в преданиях: среди этих эвенков в начале нашего века еще были в памяти два периода — время чангитов-людоедов и время еиен, когда появились олени. Приход оленеводов внес в этнографический комплекс и язык коренных эвенков немало черт, характерных для тунгусов Среднего Приамурья.

Если пешие охотники передвигались пешком даже в тех случаях, когда у них были олени, на которых перевозили только домашний скот (детей в колыбелях переносили матери), то оленные передвигались на оленях верхом или на нарте. Такую нарту у якутских торговцев видел И. Идес в XVII в. Рисунок этой нарты и посадка на ней те же, что у эвенков Южной Якутии в наше время. Поскольку эта ездовая нарта у них низкая и короткая, на двух и трех парах дугообразных копыльев, можно думать, что она была заимствована тунгусами от собаководов-аборигенов и приспособлена для оленей.

В Забайкалье, где тунгусы соприкасались с монголами и бурятами, в языках которых суффикс «чен» образует имя деятеля, появилось название «мурчен» («коневодец»), наряду с этим название «орочен» приняло здесь значение «олeneводец». Под влиянием степных скотоводов-монголов группы тунгусов орочен, видимо, и перешли от пещерного образа жизни к скотоводству. Это следует из лексики, относящейся к нему.

⁸² Г. М. Василевич. 1) Самоназвание орочен, его происхождение и распространение. «Известия Сибирского отделения АН СССР», серия общественных наук, № 3, 1963; 2) Типы оленеводства у тунгусов в связи с проблемой расселения их по тайге. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

У монголов тунгусы познакомились с тканями, которые первоначально употреблялись только для орнаментировки ровдужной одежды, с горячей перековкой металла и с таким инструментом, как кузнечные меха. Став скотоводами, забайкальские тунгусы начали охотиться на конях и утерали «понягу» — заспинную дощечку и лыжи. От южных соседей орочены заимствовали кожаный чехол, который натягивали на каркас во время переправы через речки, и переправлялись в кожаной лодке. По степям они совершали постоянные перекочевки с летников на зимники. Под влиянием соседей — монголов и бурят эти тунгусы в степях Приамурья стали заниматься облавной охотой на коз, когда выезжало от 50 до 200 чел. Они окружали табуны коз и били их стрелами. К мясной пище скотоводы добавляли рыбную и растительную. Из высушенных клубней сараны делали муку. Как и монголы, они приготавливали из кобыльего квашеного молока вино — араку. Из коровьего молока делали творог и сыры.

Скотоводство стало толчком для расселения тунгусов на юг по степным местам. Продолжая сохранять свои первоначальные самоназвания — «эвенки» и «орочены», они получили новые названия — «онгоры», «соллоны», «хамниганы».

Движение тунгусских племен из Забайкалья на восток привело к большим переменам в населении низовьев Амура, вероятно, начавшимся еще до организации государства чжурчженей. В состав аборигенных племен здесь постепенно вливались представители разных родов тунгусов-эвенков (Эджен, Самар, Килен). Пришельцы утратили оленей, усвоили от аборигенов Нижнего Амура оседлый образ жизни и многие элементы их культуры, но сохранили основу языка, некоторые элементы религии и основные предметы общетунгусской культуры — конусообразный чум на промысле, лыжи, лодку-берестянку, обувь, некоторые элементы кафтана с нагрудником, уцелевшего в качестве ритуальной одежды, и колыбель.

Таким образом, к моменту первоначального соприкосновения с русскими тунгусы, рассеянные на огромных пространствах Сибири, сохраняя в той или иной мере исходную общность языка и культуры, делились на ряд групп, отличавшихся особенностями хозяйства и быта. Что же касается их социального строя, то все тунгусы не выходили за пределы патриархально-родовых отношений.

7. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В XIII—XVI вв.

Район Дальнего Востока, являвшийся последним оплотом чжурчженей в их борьбе с монголами, подвергся особенно сильному опустошению, в связи с чем он надолго утратил свое бывшее политическое и экономическое значение, превратившись в далекую захолустную окраину обширной монгольской империи Юань.

Лишь в конце XIII в. на территории Южного Приморья в долинах рек Суйфуна и Тумангана (Тюмень-ула) были учреждены военно-земледельческие поселения. Гарнизоны этих поселений должны были нести здесь караульную службу на случай предупреждения ответного вторжения японцев после неудавшихся двухкратных попыток (1274 и 1281 гг.) Хубилая завоевать Японские острова. Остатки таких поселений были обнаружены в 1963 г. вблизи с. Осиновки и против пос. Раздольного на правом берегу р. Суйфуна вблизи ее устья. Этой же цели служил, очевидно, и земляной вал, перегораживающий всю долину Суйфуна в районе пос. Раздольного.

Начиная с 1292 г. на территории Маньчжурии было учреждено пять темничеств и семь «дорог», или областей, откуда военная и гражданская администрация осуществляла власть монгольского хана над войсками и местными племенами. «Все эти темничества имели под своим заведо-

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

23/9 8m
1529

94-80